

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:
Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнин

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by
Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemantmag@gmail.com
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова
Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 07.10.2024. Формат 70 ×108 1/16 . Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,62. Тираж 540. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2024
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2024
© УП «Мастацкая літаратура», 2024

Владимир ГАВРИЛОВИЧ ПОД ПОКРОВОМ НЕБЕС

Повесть

Узникам концлагеря Озаричи посвящается

У нас у каждого своя война —
Своя судьба, своя передовая,
Испили чашу горькую до дна,
И обжигает память ножевая.

Леонид Тризна, узник концлагеря Озаричи

1

Им — восьмилетнему Мишке, его трехлетней сестренке Катеринке и их маме Матрене — посчастливилось: еловой валежине предстояло стать для семьи Куделько хоть каким-то укрытием от резких, пронизывающих порывов неуемного ветра, который, казалось, с каждой минутой по-разбойнически усиливался и, неугомонный, насквозь пробивал дикое болото.

Валежина, однако, лишь с одной стороны немного спасала от колючегрозящей, сердитой непогоды. Темнело, а ветер, то и дело приносивший редкую крупу мелкого снега, за день так и не нашумелся. Он совсем не сочувствовал людям, которых фашисты согнали сюда. Плотно прижавшись друг к другу — мама посередине с обессилевшей дочуркой на руках и сынок, — семейка старалась хоть немного согреться. Мать скинула с себя суконный платок, накрыла своих кровинок поверх посконной одежды, надеясь, что хоть немного спрятала их от зноя и холода оттепели.

Девочка сразу уснула. Только часто вздрагивала во сне, стонала. Видимо, Катеринке приснилось то, что увидела здесь, в лагере, пока искали укромное место для ночлега. Матрена извивалась от страшных мыслей: упали бог, чтобы дочурка заболела. Она ведь у нее от рождения такая слабенькая!

Малышка внезапно проснулась. Раскрыла глазки. Несколько раз вздрогнула всем тельцем и еще крепче прижалась к маме, словно боялась ее потерять. А потом неожиданно для брата и матери высунула из-под коричневого суконного платка свою тоненькую ручку. Робко показала пальчиком на черные

холмики, которые утопали в ночи и были едва заметны: всюду, припорошенные снегом, лежали человеческие тела. Катеринка тихо спросила у Матрены:

— Мама, а почему эти тети так долго не шевелятся?

Мама повела глазами туда, куда показывала дочурка, поцеловала ее в лоб, проверяя, не горячая ли. Нет, кажется, нет. Тихо-тихо прошептала:

— Спи, усни, миленькая моя...

И ослабевший ребенок, послушавшись, опять закрыл глазки.

Мишка хоть и не видел, но почувствовал, что с мамой что-то не так: она молча плакала. Он понимал почему: из-за неизвестности, что их ожидает здесь... Плачет из-за них, Мишки и Катеринки. Боится, чтобы с ними чего не случилось... Да потому, что папы больше нет. И деда с бабой нет. Деревни их тоже нет. Эх, если бы он мог сделать так, чтобы все вернулось обратно, чтобы не было войны!..

Сразу, как только они оказались за несколькими рядами колючей проволоки, Мишка не на шутку испугался: сколько же людей здесь лежит на голой ледяной земле! Почему они не убегут? Их ведь намного больше, чем немцев. Правда, те все с автоматами... А когда увидел, что тут убивали любого, кто подходил к колючке, понял: нет, отсюда не убежишь...

Дедушка, когда был жив, научил Мишку считать до ста. А здесь их, стариков и маленьких, — сто плюс сто, еще сто и еще сто... Сбился Мишка со счету, увидев за колючей проволокой такое множество людей. Может быть, муравьев куда меньше в муравейнике... И эти люди все истоптали, вокруг ни зеленой, ни коричневой травинки — лишь грязный, покерневший снег под ногами. А весь свежий снег давно съели. Теперь, сидя в укрытии под валежиной, он догадался: припорошенные снегом неподвижные люди уже мертвые... Понял это, но молчал, ни слова не сказав маме, чтобы она не подумала, что он чего-то боится, как маленькая Катеринка. Как жаль их!.. Но он уже не боится умерших, как прежде, когда впервые увидел мертвого человека в гробу... Видимо, уже привык: всё перед глазами да перед глазами... И на них никто даже не обращает внимания. Только все же так жутко, недружелюбно сегодня воет этот лютый ветер — пробивает до дрожи...

Мишка, как ни старался, никак не мог уснуть. Сначала вспомнил соседей. Они где-то отстали, выбились из колонны. Когда гитлеровская охрана их с матерью загнала уже в ворота лагеря, злобно подгоняя и покрикивая свое: «Шнель! Шнель!», отойдя от них шагов пятьдесят, он на минутку оглянулся и увидел: там, у ворот, знакомые фигуры. И удивился: односельчан почему-то повели в обратную сторону. Увидел, как ни на шаг не отступали от Агриппины ее пятеро детей, последней шла старшая — его подружка Полинка. А где же остальные соседки с детьми? Мишка тогда дернулся за рукав маму, испуганно, ослабленным голосом ее спросил: «Мамка, смотри, а куда их?» Мама тоже оглянулась, увидела Агриппину и ее семью, которую повели с другими детьми и матерями куда-то в глубь приболотного сосняка, растерянно вздохнула, молвила: «Даст бог, найдемся, если живы будем, сынок...»

Когда Куделько оказались под густыми высокими сосновами, за которыми начиналось низкое редколесье, коренастый желтолицый полицай в овечьем кожушке, сурово наведя на них автомат, сухим, надтреснутым голосом приказал отсюда убираться вглубь и не подходить, если хотят жить, к колючей ограде.

Они направились в самую болотную низину, где было безлесное голое пространство и где на одном участке толкались страшно обессиленные люди.

Увидев их, худых, изможденных, закутанных в какие-то тряпки, о соседях, Полинке с братьями и сестрами, тете Агриппине, Мишка уж не вспоминал. Теперь ему стало

страшно. Маленькую Катеринку Матрена прижала к себе, чтобы малышка никого не видела, и только тихо про себя шептала молитвы.

Мишка заметил: мужчин в болоте совсем мало, больше бабы-старухи, закутанные в длинные суконные платки, да молодые матери с совсем еще маленькими детьми. Даже еще меньше, чем их Катеринка. Дети плакали, просили есть и пить. Под открытым небом, посыпавшим сюда лишь хлесткий, надрывный ветер, люди постоянно двигались. Мамы собирали своих детей на болотных кочках, накрывали чем могли, чтобы хоть как-нибудь согреть. Сидели и семьями: кто-то на своем нехитром скарбе, который удалось при многочисленных проверках от немцев или полицаев каким-то образом уберечь. Многие из невольников, закутавшись в то, что у них было — одни глаза выглядывали, — постелили на землю лапник сосен и елей. А сколько же тут людей, которые, скрючившись от упругого, даже душу пронизывающего смертного холода, неподвижно лежали на каких-то тряпках, но еще, хоть и тяжело, поднимали глаза, если кто-то проходил рядом или случайно цеплялся за них ногами.

По болоту они блуждали долго. Нигде не могли пристать. Страх у Мишки не проходил, с каждым шагом он мертвой хваткой цеплялся к нему, девятиверстному мальчику. Ему казалось, что в сумерках двигались, кашляли, стонали, говорили, шептались сами призраки, а не люди, которых загнали в болото.

Нет, он не хотел думать о призраках... Хотя и еловая валежина теперь, в темноте, тоже показалась ему какой-то нечистой силой — костлявым, широким приведением... Только он отгонял от себя такую глупость! Не верил ведь в такое ни папа, ни дедушка! И он, Мишка, не будет в это пустое верить и пугаться...

Вспомнил опять, как, наконец, пройдя немалое расстояние, именно ему на глаза попались эта еловая валежина и яма с хворостом под ней. И как обрадовался тому, что рядом никого не было.

Мишка, уставившись в это спасительное место взглядом, резко потащил туда мать, которая давно трудно дышала. Она устала, неся на руках нелегкую, хотя и худенькую, его сестричку, которая постоянно хныкала и время от времени покашливала. Видел Мишка, не слепой: больше всего беспокоил маму кашель дочурки...

Подойдя ближе, они осмотрели эту ямку с хворостом: это ж так им повезло! Ствол дерева целиком впился в мох, а засохшие ветви отломаны и выложены в приствольной ямке каким-то добрым человеком как настил. Свежие и нетронутые кусочки снега на нем свидетельствовали: человек тут был совсем недавно, возможно, даже несколько часов назад.

Матрена удовлетворенным взглядом сразу согласилась с сыном: нашли! О худшем, что могло случиться с тем человеком, думать не хотелось, и Мишка успокаивал себя: «Видать, благожелатель, подготовивший нам укрытие, ушел куда-то в другое место, там ему лучше, чем здесь. Значит, будем ночевать у этой еловой валежины...»

До проволоки от валежины было совсем близко — всего метров тридцать, за ней — охрана, нетронутый ельник и молодые сосенки. Высокие немцы в касках и с автоматами не обращали внимания на людей, что-то громко лопотали — переговаривались между собой. Мишка с завистью смотрел на деревца, вздохнул: вот бы их сюда, смастерили бы шалаш! Он ведь умеет! Когда-то с дедом пасли коров и на стойбище, среди леса, из лапника вместе сделали себе надежное укрытие от дождя...

Сказал об этом матери. Но Матрена почему-то промолчала в ответ. Она опустила на ножки немощную Катеринку и руками, насколько могла, отрясла с ветвей, которыми была устлана приствольная ямка, редкий свежий снег. А Мишка то наблюдал за матерью, то посматривал на немцев за проволокой и

думал свое: да, завтра он обязательно попросит у охранников еловых и сосновых веточек. Может, не пожалеют? А они с мамой из свежего и сухого лапника обязательно построят свой шалаш. Видел: кое-где по большому болоту были такие... Так что будет где укрыться и им от этого невыносимого ветра-злодея, мороза и дождя. И он твердо повторил матери: обязательно сделает здесь шалаш...

Матрена, очистив наконец это место, попробовала улыбнуться сыну, но это у нее не получилось. Лишь тяжело вздохнула, пряча от него жгучие слезы, ведь она, взрослый человек, понимала, что «завтра» у них может не быть.

Вскоре совсем стемнело. Под покровом небес, под еловой валежиной, где все же не так, как на открытой болотной площадке, донимал эту небольшую семейку нелюдимый мартовский ветер, Куделько прожили свои первые вечерние часы в лагере.

В полночь вдруг все утихло. Ветер успокоился. Будто бы потеплело. Поросшил мелкий снег. Благо он был крупяным и не мокрым...

Катеринка спала. Матрена тоже дремала. А Мишка, как ни старался, никак не мог уснуть. Перед глазами — в два ряда проволока, вышка, возле нее фашисты развели костер. Злился на них: греются, гады, и пьют вдосталь горячий чай, громко лопочут. Им не холодно... Совсем недалеко, метрах в сорока, словно тень-призрак, — немец с автоматом. Ветер все-таки изрядно донимал, и немец подпрыгивал возле проволоки и то и дело прятался за мощную сосну. Но и ему второй фриц принес горячий чай. Убил бы их Мишка, была бы у него такая возможность! Ей-богу, был бы у него лишь тот автомат... И мальчик отвернулся, старался больше не смотреть на врагов.

А в голову лезли и лезли разные болезненные мысли... Прежде всего о том, что они с мамкой и сестричкой — одни во всем свете, никого больше у них не осталось, даже далекой родни нет. Жаль было сожженную немцами их Бережанку. Какая красавая была деревушка! О том, что их здесь ждет... Мишка внезапно ощутил тупую боль в животе: хотелось есть. Но он перетерпит, не маленький. Только вот что они будут есть, когда закончится тот десяток сухариков, которые бережно за пазухой, почти под сердцем, прячет его мама? Спрашивал Мишка сам у себя и не находил ответа... Одно, о чем думал мальчик с благодарностью, так это о засохшей ели: хоть и сама погибла, но как будто ждала, что они придут сюда, и вот спасает их в эту темную, стылую, совсем не весеннюю ночь.

2

...Их маленькую Бережанку фашисты сожгли еще в ноябре 1943-го. В огне живьем погибли более сотни человек, которых сгнали в колхозную конюшню. Не уцелели тогда старшие Куделько — Мишкины и Катеринкины дедушка и бабушка. Старики отказались оставить свое селище, и их на глазах у соседей, которых немцы выгнали из своих дворов в центр деревни, расстреляли, а хату подожгли. Старики Куделько первыми из всех бережанцев отправились к Небесам, как говорила порой об умерших Мишкина мама. К вечеру в Бережанке, в которой насчитывалось несколько улиц и выселки, не осталось ни одного целого строения, только чернели кирпичные трубы сожженных хат.

На рассвете следующего дня, когда деревня дотлела и вокруг навсегда установилась гнетущая мертвая тишина, лишь нелюдимый ветер гнал по небу тяжелые тучи, из леса вернулись на свои сожженные поселения немногие уцелевшие ее жители.

Анатоль ЗЭКОВ

НИ К ЧЕМУ СЕБЕ ЛГАТЬ...

* * *

А мы еще так не любили
И к той черте не подошли,
Когда судьба нам дарит крылья
И отрывает от земли;

Когда не ходишь ты, а птицей
Летишь над бездной немоты;
Когда не боязно разбиться,
Ведь не один на свете ты.

Когда и день и ночь сольются
И что есть что — не разберешь,
Когда сердца в согласьи бьются
И понимаешь, что живешь.

А мы еще так не любили,
Чтоб жаром вспыхнула душа,
Мы только ближе подступили
К тому мгновению на шаг...

* * *

Перебежит дорогу кот
И пощекочет нервы.
Хоть я в кругу своих забот
Совсем не суеверный.
А что касается кота,
То б сплюнуть не мешало
Да поглядеть, куда беда
На лапах побежала.

Алесь КОМАРОВСКИЙ

КРУТОГОРЬЕ

Роман¹

Вестовой звон на дозорной башне ударил перед рассветом неожиданно — железное было зачасто о литую медь, будто предупреждало: «Тре-во-о-га-а! Быстрее-е!» Полусонное воронье испуганно сорвалось с ближних деревьев и огласило окрестности хриплым карканьем.

Люди княжеской дружины и ополчения последние три ночи спали в кольчугах и латах, положив копья и мечи рядом. Поэтому вои быстро собирались, рассыпались по лестницам, заняли посты наверху, на деревянной стене у бойниц. Потревоженные горожане, вооруженные кто как, собирались у городских стен. Пришлый люд недавно оставил свои селища, избушки и мастерские в посаде. Нынче посадские вылезали из-под своих повозок, брали заточенные пешни, рогатины, топоры, самодельные булавы и бежали к главным воротам, где тысяцкий или посадник скажут, что делать дальше...

Лагожск давно готовился к защите, руками мастеров ковал мечи и копья, жители обновляли земляные валы. Река Гайна надежно окружала крепостные укрепления с трех сторон, но четвертая сторона, откуда шла главная дорога, была открыта. Все думали: отсюда, скорее всего, и нападет враг.

Коваль Божедар одел могучую грудь в кольчугу, в левую руку взял шлем, в правую — длинный тяжелый меч, оглянулся в дверях, увидел, как вскочил с лежанки сын Иванка. Сказал ему:

— Не сунься туда, когда нападут — стрел будет больше, чем града.

Но разве могло остановить Иванку отцово предостережение?! Там же, около стен, вероятно, будут его одногодки Степан и Гришка, в таких же, как и он, латах из дубовых планочек, с такими же, как у него, самодельными щитами. Быстро обув кожаные опорки, схватил латы, щит и рванул за дверь. Мать, не успев остановить его, только руками всплеснула.

Монгольский хан Койдан семь лет готовился к этому походу. Ему в главной ставке Золотой Орды снилось золото, облитое кровью хана Шейбака. Тот, умирая, позвал одного из своих нукеров-охранников — Кутлук-бека — и приказал отходить с обозом, по дороге золото закапывать, а свидетелей убивать. Кутлук-бек и его десятники закрутили награбленное в конские кожи, закопали частями около трех могучих дубов и огромного камня. Тогда в ставку дошли

¹ Начало.

только пять из тех, кто знал, где спрятано золото. И вот он, хан Койдан, должен вернуть клад Золотой Орде. Но первым делом нужно разбить и испепелить этот маленький городок, который возник на пути. Правда, можно было бы его обойти, но очень уж большой гнев вызвал воин на дальней дозорной башне. Он зажег сигнальный костер и скользнул по веревке вниз, сиганул в молодой сосняк и пропал в болотине, словно какой-то призрак.

Три дня перед осадой лил дождь. Дубовые стены Лагожска вымокли, поэтому защитники не боялись зажженных стрел. Будет хуже, если монголы пойдут на приступ. На большом дворе горели костры, грелась смола в котлах. Снаружи под стенами лежали бочки с прикрепленными к ним оглоблями. В бочках золотилась живица — сосновая смола, собранная в лесу горожанами. Это был замысел Божедара, лучшего кузнеца Лагожска. Но как повернется бой, никто не знал. Да и понадобятся ли эти бочки, если город не выстоит?

Ханские отряды пятнистой волной выкатились на соседнюю с городом возвышенность и лавиной рванули вниз. Миновав низину, с гиканьем понеслись на возвышение. Метров за сто от стен, не останавливаясь, каждый всадник вскинул лук, натянул тетиву — и тысячи стрел роем полетели в защитников города. Вои-славяне спрятались за дубовые плахи башен и бойниц. Стрелы щепали деревянные торчицы и падали вниз. Закричали, застонали раненые во дворе. Их оттаскивали к княжескому замку.

Иванка с друзьями, прикрывшись щитами, собирали стрелы, несли их по лестницам лучникам.

Враг решил взять город с налета. Не получилось нукерам выполнить свой план: зацепиться арканами и крюками за стены, перебраться наверх и саблями завершить бойню, но первая линия защитников отступила перед их решимостью. Метнув дыды, воины уступили место другим. Легкие древки с острыми наконечниками пробивали доспехи, ранили коней врага. И войско хана отступило, покатилось назад. Вслед полетели стрелы, подобранные Иванкой и его друзьями.

Койдан видел все, стоя на горе. Его протянутая рука была неумолимой: «Назад! На город!»

Главные ворота Лагожска раскрылись, и сотня воинов рассыпалась у стен, подхватила оглобли и покатила бочки со смолой к горе. А в низине вражеская конница развернулась и снова двинула на город.

Княжеские вои остановились на верху горы. Вспыхнула, разгорелась смола в бочках, и огненные коловороты, разогнанные сильными руками, набирая ход, покатились с горы на вражескую лавину. Испуганные кони становились на дыбы, сбрасывали воинов, топтали их копытами, с ржанием неслись обратно. Из-за леса выкатилось огненное светило, и словно еще одно пламя охватило вражеские войска.

Иванка, Степан и Гришка, забравшись на крепостные стены, смотрели, как отступали чужаки, как княжеские вои сбрасывали шлемы, махали ими и обнимались. Около дозорной башни победно поднял меч кузнец Божедар.

* * *

— Не отдам... — горловой хрип натяжно вырвался из запененных губ. — Не отдам! — судорожно перекатился ком в горле. Глаза бессмысленно, бессознательно поплыли, не в силах удержать, остановить мелькающую круговерть. Теряя абрисы деревьев, взгляд тонул, вяло и тяжело опускались в безвольные грезы... Тело покачнулось, словно переломилось в стане, устремилось к земле. Цепкие посиневшие пальцы, силясь, скользнули по гибкому стволу молодой березы, потеряли его. Нервно дернувшись, застыли... — Не отдам...

Владимир ЯСЕВ

СЕЗОН ЛЮБВИ

ОСЕННИЕ КОСТРЫ

Костры горят, струится запах осени,
Как пар над чашкой чая на столе.
Еще не все в аллеях листья сброшены,
Еще не смолкли крики журавлей.

Еще седыми травы не становятся
И голуби танцуют в облаках.
Еще поет гармошка за околицей
И золотится солнце в куполах.

Костры горят, туманы полем стелятся,
Глядятся ивы в зеркало воды,
И хочется мне верить, что метелица
Не заметит к тебе мои следы,

Что расцветут сады весенним праздником,
Все вспомнится, что минуло давно,
Грибным дождем — отчаянным проказником —
Я звонко постучусь в твое окно.

ОТСЧЕТ НЕВОЗВРАТНОСТИ

Лишь пять секунд, а не часов и лет
Отмерили часы искусствой стрелкой.
Еще пылится на дороге след,
Не требуется чувствам переделка.

То хочется мгновение продлить,
А то пришпорить, ускоряя грубо,
Безмерно утомить, но ободрить,
Испив до дна из кубка жизнелюба.

Анна ЛЕО

КЛАССИКИ

Два рассказа

ЗАГАДОЧНАЯ ГОСТИНИЦА В ГОРОДЕ Н

Молния разрезала небо, играя ветвистыми жгучими всполохами, а рокот грома оглушал. Нина Ивановна Зятикова осторожно вела машину.

По-хорошему, надо было поступить, как многие водители: притормозить у обочины. Однако близость деревьев к дорожному полотну не внушала чувства безопасности ни водителю, ни Игорю Николаевичу, который, несмотря на непогоду, сладко посапывал рядом.

Нина Ивановна устала, а значит, пребывала в раздраженном состоянии духа.

— Ну и дождина, — Игорь Николаевич потянулся. — Нинок, может, притормозим?

— Нет, — сухо ответила она мужу, сосредоточенно глядя на дорогу и пытаясь не сбиться с белой разметки, периодически исчезающей в потоке дождевой воды.

— А я бы на твоем месте...

— Вот когда будешь на моем месте, тогда и остановишься, а по мне — лучше как можно быстрее добраться до города.

Зятиков обиженно замолчал.

К трехэтажной гостинице они подъехали, когда дождь закончился и на черно-лиловом небе загорелась огромным белым кругом луна, а в воздухе витало спокойствие и умиротворение.

Нина Ивановна обожала старые дома. Поэтому всегда предпочитала останавливаться в гостиницах с «историей». Вот и данное строение было возведено в середине девятнадцатого века. Поначалу гостиница являла собой одиночное трехэтажное здание, но годы и модернизация сделали свое дело. Сначала пристроили с одного боку еще один дом, позже для симметрии добавили другой, а в начале прошлого века с тыльной стороны сооружений возвели четырехэтажное здание, побелили все и расширили узкие оконные проемы, сделав их более комфортабельными и изящными и тем самым закончив ансамбль. В первой постройке установили высокую деревянную массивную дверь, а порог у входной двери облагородили несколькими широкими мраморными ступенями.

Екатерина СТРОЙЛОВА

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ...

* * *

Бирюзовая крапинка в нежном небесном просторе.
Я люблю созерцать твой кровавый закат, горизонт.
Свет какой-то нездешний, и пенится шумное море.
Тучи ливнем грозят, только взять не решаюсь я зонт.

Вы, предвестники горя, не будете плакать напрасно.
Кто ушел — не вернется, открыть не сумеет глаза.
Сердце глухо молчит, а душа к небу тянется страстно.
Я не плачу. То след от дождя. Нет, совсем не слеза.

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Облеклась любовь в платье белое,
В шаль закуталась одиночества,
Колебанье смогла несмелое
Побороть, презрев все пророчества.

Горьких дней не счесть ожидания.
Все стоит, тобой не замечена.
На ногах оковы страдания,
Голова надеждой увенчана.

Кто узрит ее — осчастливится.
Богом послана в утешение.
Но с мечтою ль своей увидится?
Обретут ли глаза прозрение?

Вячеслав НИКИФОРОВ

Истории из кухни киношников

ПРИСКАЗКА

Почему кухня? Мы не прочно подглядеть непубличную жизнь королей, балерин, космонавтов. Кухня — место, где готовят пищу, общаются, раскованно и неглиже, там любой человек более всего похож на себя, и таким его вы не увидите больше нигде. В нас бодрствует часть мощного инстинкта любопытства, благодаря которому никогда не иссякнет интерес к театру и кино, потому что для каждого человека нет ничего притягательнее, чем жизнь другого, подобного ему, существа. Разве вы удержитесь от соблазна побывать за кулисами театральной сцены или сможете пройти мимо съемочной площадки в момент суматошной подготовки и за несколько минут до команды «Мотор!»?

Мне лавры Георгия Данелии и Александра Ширвиндта, непревзойденных юмористов, недоступны. Моя фишка — профессионально заурядные, но не менее интересные читателю-зрителю истории, в которых большие артисты предстают перед нами людьми настолько человечными, что влюбляешься в них с первого взгляда. Теперь это называется харизмой, а на заре моей профессиональной юности, когда мы еще заводили записные книжки на века с вопросами самому себе — что сделаю я для людей? как оправдаю ожидания миллионов зрителей? — я максимум в своей будущей профессии видел таким (из дневника): «Кинофильм — это модель мира, и надо тащить в кадр все, что отражает его разнообразное великолепие». И тут же стелил соломки, оговаривая минимум: «А в целом и общем надо показывать кинозрителям просто очень хороших людей, интересных и красивых». В конечном счете это оказалось моим основным мотивом в подборе актеров, и думаю, что почти все режиссеры интуитивно хотят иметь дело с обаятельным актером, который к тому же и талантлив, а еще лучше — уже и любим зрителями. О них, о моих артистах, и будут эти воспоминания, в них я остаюсь кинорежиссером, как мои герои станутся актерами, а потому в каждой истории непременно будет и профессиональная мораль, так что читатель получит и небольшой мастер-класс.

С УТРА ИГРАЮТ ТОЛЬКО КОТЯТА

Давно, когда еще платили сотню баксов в конверте за проходную сценку типа «кушать подано», в перерыве между дублями мне попался на глаза молодой актер, дожидавшийся с утра съемки кадра, в котором он входит в офис к нескольким сотрудникам фирмы и спрашивает, нет ли здесь Сидорова (вариация реплики «кушать подано»). Фирма терпит убытки, кто-то сливает

конкурентам информацию, и четверо мужчин гадают, кто этот вредитель. Сцена длинная, но скучноватая — аж тошно. Объявил перерыв.

Актер был высок для своего худого тела, отчего выглядел тощим, взгляд умный, предупредительная улыбка. Из-за стеснительной походки казался неспортивным. Изредка возникал тут и там, чтобы напомнить о себе, и в то же время своим видом он демонстрировал, что готов ждать хоть до утра. Такие парни вне среды, которая кажется им необычной и авторитетной (в баре или на баскетбольной площадке, например), отвязываются так, что их не узнать.

От нечего делать я поинтересовался у актера, с какой целью он ищет Сидорова. Он обрадовался и подковылял ко мне.

— Да так... покурить, поболтать.

— И все?

Я увидел, что в нем проклонулось какое-то обаяние, таким открытым оказалось...

— А что еще? Это же проходняк, доложил — ушел.

...И простодушным. Но туповатым.

— И ты весь день положил на то, чтобы отметить и вычеркнуть его из жизни?

Парню под сорок, позади Щука — престижный театральный вуз им. Б. Щукина, семья, дети. А он пришел налегке, как в школьный драмкружок. В подобных ситуациях в режиссере просыпается кровожадный хищник. Я впился в него, и пошло-поехало...

— Ты отнял день у семьи, у карьеры, чтобы так непрофессионально распорядиться собой?

Он обрадовался, решил, что я хочу расширить его рольку.

— Нет. Я хочу понять: зачем тебе Сидоров, что за отношения у вас, какой конфликт заставляет тебя найти его?

Он торчал в павильоне полдня и, конечно, слышал мои разговоры с актерами на знакомые темы «конфликт», «сверхзадача», «действенная линия роли». Понимал, что известные ему премудрости — не для такой ничтожной роли, как у него. В его воображении время от времени всплывала и исчезала стодолларовая купюра.

— Да никакой. И нигде об этом ни слова, я пролистал сценарий.

Он даже сценарий потрудился прочесть. Значит, надеялся, вдруг мелькнет еще где-нибудь его персонажик.

— Конфликт никакой, и ты никакой для зрителя. И большей роли ты можешь не дождаться.

Актер быстро сообразил, о чем речь, — все-таки за плечами была хорошая школа.

— Ну, он мне должен сто рублей.

— Сто тысяч!!

— Рублей??

— Баксов!!!

Стали заострять конфликт, оказалось, что мальчик понимает, не зря его вуз — один из лучших в стране, и мы договорились до того, что он этого Сидорова готов убить, потому что тот обесчестил его сестру.

Вообразите, как он сыграл это. Вошел решительной, нет — хищной такой походочкой и огляделся. Даже я увидел в нем совсем не того стеснительного ботаника, как и партнеры, перед которыми он маячил полдня в гримерке и здесь у камеры. Они не знали, о чем я толковал с актером. Он их так озадачил

одним своим появлением, что атмосфера сцены накалилась и приобрела невероятную значительность. Так бывает, когда актеры от неожиданности напрягаются, стараясь удержаться в рамках своих актерских задач, возникает энергия ожидания, и сцена оживает.

— Сидоров здесь? — могильно вопросил он.

— Нет! Закрой дверь с той стороны!

Но парень прошелся по офису, заглянул за углы и даже сунулся в дверь огромного шкафа для чертежей. Мне не захотелось, чтобы тот Сидоров встал на его пути.

Когда он удалился, не обнаружив Сидорова, присутствующие невольно сыграли великолепную мхатовскую паузу, и один из них озвучил (импровизированно, не по тексту!) свою догадку: «Сидоров!» Мол, он и есть главный подозреваемый в провалах фирмы. Они вчетвером гурьбой ринулись в дверь, как любят актеры даже не в водевильных сценах, толкаясь и падая. С какой целью? Взять за шиворот подлеца Сидорова! Не было такого финала, но он появился благодаря актерам и, как говорится, сделал всю сцену.

В этом примере, как в капле воды, целый пруд рутинных забот, на преодоление которых тратится ценнное время съемочного дня. Обычно второпях играется типаж «случайный прохожий» и предлагаемое обстоятельство «захожу в офис, интересуюсь у сотрудников, здесь ли Сидоров, его нет, ухожу». Бабки в карман — и домой.

Это сегодняшний «стиль», знакомый читателю по телесериалам: играть типаж и обстоятельства. Не больше. Антистиль. Но зритель благодаря сюжету тоже знает и учитывает предложенные обстоятельства, его воображение работает, он играет вместе с актером и не хуже его. Не увидев в таком появлении ничего нового, озадачившего или удивившего его, зритель пренебрегает им. Он ему неинтересен. А этот молодой актер со своим Сидоровым запомнится надолго.

Зритель не должен знать актерской кухни. И актер может навыдумывать что угодно, только бы очевидное и даже банальное явлено было как невероятное. Осознанный конфликт он может заострить максимально. При этом оставаться правдоподобным. Однако правдоподобие — это «как в жизни», и мы легко откликаемся. А что если зрителю важнее не то, как бывает в жизни, но и то, как хотелось бы? Не простота и ясность, но загадка и опасность? Не похоже ли на ложь это подобие правды?

И тут важно понимать, что не играется. Обаяние-харизма не играется. Не играется умение. Если не умеешь танцевать или боксировать, не сыграешь в кадре или на сцене ни боксера, ни танцора.

В актерском мире популярно высказывание одного знаменитого артиста, ненавидевшего утренние спектакли. «С утра играют только котята», — ворчал любивший поспать лицедей. И всегда кто-нибудь добавляет: «И дети». Подразумевается, что дети и животные — самые естественные, органичные актеры, переиграть которых невозможно. Они с утра до вечера игрихи и очаровательны.

Моя семилетняя дочь Ариадна должна была исполнить роль цыганочки, оказавшейся с пятилетним братишкой в чернобыльской зоне (фильм «Душа моя, Мария»). В ожидании съемки она то и дело появлялась возле меня и ухитрялась в напряженной производственной обстановке задавать мне вопросы, один за другим, по поводу катастрофы и ситуации, в которую попали дети. Я отвечал кое-как, уверенный, что ребенок плохо не сыграет. В обеденный

перерыв она принялась за меня еще настойчивей — задала мне больше двух десятков вопросов: почему дети без родителей, что за народ цыгане, почему они примкнули к мародеру, что такое мародер, где они спят и чем питаются, что есть радиация и в чем опасность? Ее маленький партнер Вовик скучал в тенечке под лопухом, которым бабушка терпеливо обмахивала его, — вот уж для кого наша кухня не казалась привлекательной!

Они сыграли несколько сцен. Дети появились у двора старика Ахремчика (Владимир Самойлов). Два ребенка, густоволосые, голодные, в живописных лохмотьях. Их сопровождал мародерствующий детина (Анатолий Жук), агрессивный и наглый от страха, он-то лучше всех был осведомлен о какой-то катастрофе на Чернобыльской АЭС. «Какой-то», но понял он одно: на триста лет вся земля погрузится во мрак — вот только не знал точно, сегодня или завтра, — а спастись можно исключительно самогоном. Дети прильнули к доброму старику. Он накормил их троих, позволил забрать все, что им понравилось, — мальчик прикарманил большой острый нож. Увидев портрет покойной жены Ахремчика, девочка прошлась по избе цыганочкой, научилась за пару дней у меня за спиной...

Стало ясно, что все получается, режиссерское сердце ликовало!

Любите ли вы бонусы, дорогой читатель? Награды, премии, надбавки? Когда еще больше, сверх того, а главное — когда неожиданно!

Финальная сцена происходила у сельского кладбища. Такое небольшое и ухоженное, какие сплошь и рядом в Гродненской области. Его и декорировать не надо было, только вырыли бутафорскую яму-могилку, набросали пластмассовых венков, по сценарию — люди, не похоронив, панически бежали, гонимые страшным известием.

Развели сцену. Это когда договариваются с актерами, кто куда идет и что делает. Чтобы не топтаться на месте упокоения, киногруппа оставалась у входа снаружи, объяснялись, как говорится, с помощью пальцев: «Пойдешь туда, потом туда». Сцена-развязка имела такое содержание: покидая с чавелками деревню, обессилевший Мародер спасается самогоном. Изрядно отпив из большой бутыли, он предлагает детям спиртное.

— Пейте, иначе вам хана! Пей, говорю! — протягивает бутыль девочке.

— Нет! — зло отвечает она.

Мародер обращается к мальчику, настойчиво так:

— Пей! Мужику сам бог велел!

Мальчик смущен и вот уже протягивает ручонки к бутыли. Девочка выбивает бутыль из рук Мародера и зверьком рычит:

— Не-е-ет!

— Дура! Только это может его спасти! Пропадете, чавелы, кирдык вам, мальки! Всем конец!

И началось...

— Нет, нет, нет! — закричала моя дочь и набросилась на партнера, крупного сильного мужчину.

По мизансцене он должен был отступить и юркнуть в калитку, закрыв ее за собой. Но она пролезла в щель между железными прутьями и кошкой вцепилась в отступающего. Грамотный актер технично пнул девочку ногой.

Я понимал, что небольно, но сердце сжалось все равно. А она набрасывалась на Мародера и гнала по кладбищу меж могилок. Пацанчик за ними.

— Да отцепись ты! — кричал Анатолий и отшвыривал их от себя.

«Простор» объединяет литературы и народы

Интервью с главным редактором журнала «Простор» Фархатом Тамендаровым

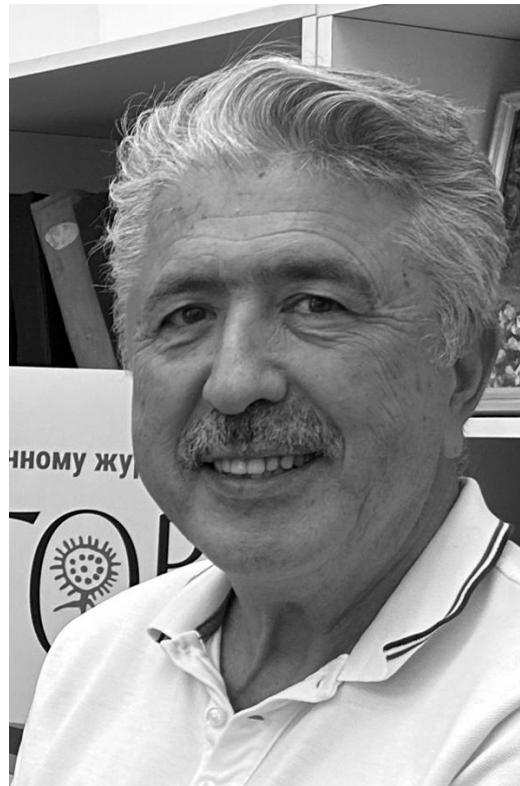
Время от времени алматинский журнал «Простор» (Республика Казахстан) печатает произведения белорусских писателей. На страницах когда-то широко известного в разных уголках Советского Союза толстого литературного ежемесячника появляются и статьи, рецензии, посвященные белорусской прозе и поэзии. Мы решили побеседовать с главным редактором журнала «Простор» Фархатом Тамендаровым.

— «Простор» был и остается одним из лучших литературных журналов на русском языке. Издание никогда не замыкалось в рамках национальной литературы. Каковы сегодня главные принципы редакционной политики «Простора»?

— Спасибо, Алекс Николаевич, за такую высокую оценку журнала. Лучшим он стал еще в советскую эпоху, когда его возглавляли такие известные писатели, как Иван Шухов, Дмитрий Снегин, Геннадий Толмачев. Да, вы правы: издание никогда не замыкалось в рамках национальной литературы, да и сейчас не замыкается. Мы, как и прежде, печатаем лучшее. Но, как отметил Олжас Сулейменов: «Новый «Простор» обрел казахстанское лицо». А Берлин Иришев, президент Ассоциации Казахстанцев во Франции (АКФ), сказал: «Новый «Простор» стал просторнее...» Главным критерием в определении редакционной политики является живое слово.

— Приходится соблюдать какой-либо баланс, отдавая предпочтение русской литературе Казахстана или публикации переводов на русский лучших произведений казахской литературы?

— Таких проблем перед редакцией журнала не возникает. Совет выбирает лучшие произведения. В одном номере могут оказаться рукописи только русскоязычных авторов, а бывает и так, что костяк номера — сочинения казахских литераторов в переводе на русский. Качество художественного слова, умение увлечь сюжетом — главные критерии отбора.

Людмила Марковская

Летопись войны

Рецензия на книгу Натальи Советной «Была бесконечной война...»

Тема Великой Отечественной войны стала одной из главных в нашей литературе. Чем дальше уходят от нас те трагические события, тем ценнее становятся художественные произведения — свидетельства страниц нашей истории. В героическую и трагедийную летопись и поныне продолжают вливаться строки многих писателей. Недавно ее пополнила книга Натальи Советной «Была бесконечной война...» («Четыре четверти», 2024). Эта книга о подвигах наших дедов и прадедов, о смерти, любви и надежде, о горе и радости, о желании жить и самопожертвовании ради других — словом, о том, какой была эта война и чем пришлось за нее заплатить.

Книга написана в жанре автобиографии, по форме и манере изложения напоминает дневник и одновре-

менно кадры черно-белой документальной кинохроники о войне. И персонажи Натальи Советной не придуманные — живые, знакомые. Текст читается легко, он плотный, насыщенный событиями. Хочется отметить органичный язык повестей с множеством белорусизмов и диалектных слов. Описания природы и портретные характеристики — зримые, запоминающиеся, меткие. Это предельно реалистичная проза, крепкая и добротная.

Есть произведения, которые как бы вырывают из истории судьбу одного или нескольких людей и рассказывают об их жизни на фоне войны. Так, повесть «Дотянуть до весны» — это горестные воспоминания 102-летней Натальи Арсентьевны Коренчуковой. Думаю, что только человек, лично переживший ужас войны, может так ее описать. Основные события происходят в поселке Езерище Городокского района, где по сей день живет прототип повести. Наталья Арсентьевна вспоминает о страшных событиях: болезнях, издевательствах фашистов над детьми, изнасилованиях, избиениях, унижениях земляков. Несмотря на то, что прожитая героиней жизнь была невыносимо тяжелой, концовка оптимистична: героиня с верой в лучшее сажает в своем саду восемь яблонь и три груши.

В рассказе «Война не закончится завтра» показана жизнь семьи Сиваковых. Война представляется как цепочка событий, в которой сосуществуют боевые действия и обыденная бытовая жизнь человека. Автор собрала свидетельства

о том, как жилось людям на оккупированных территориях: о тяжелых военных буднях, о страшном голоде, страданиях, неприкаянном быте, гибели односельчан и близких. Отдельные эпизоды невозможно читать без слез: голодный ребенок съедает сырую ворону, мать готовит бульон из лошадиного копыта... Мир, изображенный писательницей, не просто страшен, он безобразен, в нем нет ни одной неоскверненной святыни. Это мир ада, увиденный сквозь призму безумия и смерти.

В основу третьей повести положена биография земляка Натальи Викторовны — талантливого художника Ивана Павловича Хитько. Действие происходит в годы Великой Отечественной войны, когда жителям деревни Дуброво приходилось скрываться зимой от фашистских карателей и полицаев, и в современных реалиях.

Закрыв последнюю страницу книги, понимаешь: да, это наша история, которая никогда и никем не должна быть забыта. Размышления после прочтения приводят читателя к основной гуманистической мысли о том, что любая война — это насилие и величайшее зло, уничтожающее миллионы человеческих жизней. Испытываю благодарность перед автором за ее правдивое, честное, талантливое слово, за показ суровой и нелегкой правды военного времени. Такова настоящая литература, способная пробуждать и встремливать.

Авторы номера

ГАВРИЛОВИЧ Владимир Николаевич. Родился в 1967 году в деревне Ветчин Житковичского района Гомельской области. Окончил филологический факультет Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Автор более тридцати книг прозы. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2007 года» за книгу «Плата за каханне». Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Живет в Гомеле.

ЗЭКОВ Анатоль (ЗЕКОВ Анатолий Николаевич). Родился в 1955 году в деревне Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, юморист и сатирик, детский писатель. Автор многих сборников поэзии, прозы, сатиры и юмора, книг для детей. Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

КОМАРОВСКИЙ Але́сь Адамович. Родился в 1947 году в деревне Миколаевщина Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик. Автор книг «Пачатак», «Зямля маіх надзеяў», «Валошкі памяці», «Азбука жыцця» и др. Живет в Минске.

ЯСЕВ Владимир Викторович. Родился в 1961 году в городе Быхове Могилевской области. Окончил исторический факультет Могилевского государственного педагогического института имени А. А. Кулешова. Поэт, прозаик, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Победитель республиканского конкурса фантастического рассказа (2021 г.). Кандидат политических наук, доцент, проректор Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. Живет в Могилеве.

ЛЕО Анна (Леонова Ирина Викторовна). Родилась в 1957 году в городе Щелково Московской области. Окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева, Литературный институт имени А. М. Горького (Москва). Автор ряда книг прозы. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2011 года», бронзовый призер IV Славянского форума искусств в номинации «Детская литература». Живет в Минске.

СТРОЙЛОВА Екатерина Сергеевна. Родилась в 1994 году в Минске. Окончила полный курс обучения в ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета. Автор сборников стихов «Тернистый путь», «Заботою хранимы», «Я ў сэрцы вашым» и др., книги «Палитра жизни: стихи, повесть». Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и других литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.

НИКИФОРОВ Вячеслав Александрович. Родился в 1942 году в селе Веселое Адлеровского района Краснодарского края (Россия). Окончил режиссерский факультет Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова. Кинорежиссер, сценарист, актер, педагог. Заслуженный деятель искусств БССР, лауреат Государственной премии СССР, премии «Золотой орел» Российской киноакадемии. Живет в Минске.